

Моляко В. А. Творческое поэтическое восприятие как индикатор таланта и гениальности (к 130-летию со дня рождения А. А. Блока) // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України «Актуальні проблеми психології» у 12 томах / За ред. В. О. Моляко. – Т. 12. – Вип. 11. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2010. – С. 6-20.

Моляко В. А. (г. Кив)

ТВОРЧЕСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК ИНДИКАТОР ТАЛАНТА И ГЕНИАЛЬНОСТИ (к 130-летию со дня рождения А. А. Блока)

УДК 159.9

В статті аналізуються питання творчого поетичного сприймання.

Ключові слова: творче сприймання, талант.

Не претендуя на сколько-нибудь «эксклюзивное» решение проблемы диагностики проявлений одаренности и талантливости, попробуем, продолжая серию поисковых разработок в сферах поэтического творчества, рассмотреть такой (тоже, впрочем, не простой) вопрос относительно особенностей оригинального восприятия поэтами окружающего мира во всем его многообразии. Думается, что возражений против такого рода попытки выявления собственно творческих сущностных характеристик в этом направлении не может быть, ибо что же как не оригинальность – главное в творчестве. Но если с самими показателями творческой одаренности все более или менее ясно (сюда, разумеется, кроме оригинальности следует добавить и такие показатели, как количество произведений, их объем, масштаб, скорость создания того или иного произведения, а также такой важный с личностной стороны показатель как способность автора преодолевать различного рода сложности, барьеры, препятствующие творческой деятельности), то был и остается очень непростой вопрос, касающийся диагностики творческой одаренности, именно на ранних этапах, когда еще в распоряжении психологов, а в обыденной жизни – родителей, учителей, – нет сколько-нибудь надежных продуктов деятельности у возможного в будущем творца значительных произведений. Как известно, пока что лишь такие ранние проявления способностей как музыкальные и математические могут послужить убедительным примером достаточно достоверных в прогностическом плане данных для определения возможной «творческой траектории» будущего Бетховена или Софьи Ковалевской. В какой-то мере это касается и поэтического творчества, но далеко не так выразительно и убедительно. И здесь Лермонтов, Leopardi и Рембо исключения. Ведь даже Пушкин стал писать стихи, выходящие за пределы своего рода традиционных юношеских писаний лишь к концу занятий в лицее.

Для того, чтобы проиллюстрировать своего рода несложную гипотезу о «лонгитюдном» развитии оригинального поэтического мышления и мировосприятия остановимся на очень убедительном в этом смысле примере творчества Александра Блока. Ставшее нашим общим достоянием, вошедшее во все более или менее хронологически полные издания, творческое наследие А. Блока измеряется ровно двадцатью годами (1898 – 1918), которые включали не только сугубо личную судьбу поэта, но и значительные

исторического масштаба события (русско-японская война, первая мировая война, февральская, а затем Октябрьская революции, начало гражданской войны), вовлекавшие в себя тем или иным образом каждого жителя России. И хотя большая часть жизни поэта, начиная с момента рождения, протекала в достаточно благополучных и комфортных условиях, особенно если сравнивать их с условиями жизни целого ряда его современников, а особенно более поздних собратьев по профессии (например, Хлебникова, Есенина, Ахматовой, Цветаевой и многих других), собственно поэтическое восприятие окружающего мира, событий, самого себя отличалось у него необычной, далеко не розовой, но по-своему скрытой, гипертрофированностью. И именно потому, что эта гипертрофированность была стилистически закамуфлирована, лишена экспрессионистской истеричности и футуристической гиперболизации, многими и ранее, да и по сей день лирика Блока воспринимается как спокойная, в меру минорная, избавленная выкриков и словесной яростной жестикуляции, которую ввели в поэтический храм даже не Маяковский и Есенин, а еще Лермонтов и Некрасов. Но поэзия Блока казалась или могла показаться таковой лишь при невнимательном, поверхностном чтении. Стоит лишь чуть углубиться в прочтение, и мы будем потрясены драматизмом и трагичностью его произведений, не уступающим силе воздействия Шекспира и Достоевского, в чем мы легко убедимся при дальнейшем анализе творчества поэта.

Конечно, сколько-нибудь адекватный анализ творческой деятельности немыслим без включения в него личностного компонента, но заранее оговариваем, что вынуждены делать это, исходя из размеров статьи, лишь фрагментарно. Но такого рода лапидарность, гомеопатичность может быть легко компенсирована целым рядом достаточно серьезных разработок (см. работы К. Чуковского, М. Бекетовой, А. Туркова, Вл. Орлова, Вл. Новикова и теперь уже целой галереи томов воспоминаний и различного жанра высказываний). Хотя, и я должен сделать эту оговорку, по моему глубокому убеждению, личность Александра Блока еще и сегодня остается для нас нераскрытой и загадочной, едва ли не самой загадочной во всей русской (и не только русской) поэзии, если иметь в виду именно крупные личности масштаба талантов и гениев. Психологически это можно объяснить, в частности, необычайной сдержанностью и скромностью поэта, его многогранным аристократизмом и воспитанностью, уровни которых не для многих были достижимы и во времена жизни поэта, а тем более в наши времена воинственного невежества и хронического хамства, захватившего не только улицу и базары, но и театр, эстраду, страницы журналов и книг (в свое время К. Чуковский довольно обидно сравнивал поэзию Бальмонта с поэзией Блока; думаю, что в наши дни даже у Корнея Ивановича не хватило бы приличных слов, чтобы сравнивать многих из теперешних литературных звезд с Блоком, да и само такое сравнение он бы почел кощунством). Но дело, можно утверждать с полной уверенностью, не только в особенностях «внешнего поведения» Блока. Главное, надо полагать, в глубинах и высотах его творческого восприятия, его творческого мышления, его дара проникать в малодоступные «простым смертным» сущности – тут уж воистину: поэтам как пророкам этот дар проникать и видеть дарует Бог, а сами поэты «не ведают, что творят». На счет того, что «не ведают» может и преувеличение, но что, прошу прощения за капельку мистики, посылается свыше, так как-то трудно усомниться – тут-то, – не знаю как там с телекинезом, телепатией и

прочими увлекающими и удивляющими нас парапсихологиями, но с поэзией все в порядке: объективные доказательства, которых так не хватает там, здесь налицо – есть стихи, есть смыслы, не менее убедительные, чем мосты, здания, трамваи и компьютеры...

А теперь в пределах данного жанра попробуем пройти по реальному и отчасти вымышленному проспекту творчества Александра Блока, который он создал в его Петербурге-Петрограде и который воссоздан, как поэтическое и не только поэтическое явление на все оставшиеся нам века, и который уж никак не менее значим в сферах литературы и культуры в целом, чем Невский проспект Гоголя, Достоевского, Некрасова и всех иных его критиков и поклонников.

Давайте обратимся к первым печатным строкам поэта:

*Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне. (1898)*

*Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи. (1898)*

*Ночной туман застал меня в дороге,
Сквозь чащу леса глянул лунный лик,
Усталый конь копытом бил в тревоге, –
Спокойный днем, он к ночи не привык. (1899)*

*Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим. (1899)*

*Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние.
Волны бегут на песок. (1901) [1, с. 23-29].*

Можно с полной уверенностью сказать, что почти каждый, кто имеет хоть сколько-нибудь существенное знакомство с поэзией и стихами, без малейших сомнений скажет: неплохие стихи, хорошая версификация, напоминает немного Пушкина, немного Некрасова, больше Фета и Вл. Соловьева, но по сути почти неоригинально. И это будет почти справедливо (я здесь, понятное дело, не случайно уже дважды употребил это «почти», и именно потому, что это не вершина творчества заурядного стихотворца, а лишь самое начало, лишь первые свои шаги по чужим тропинкам и тропам). Ведь после названных и неназванных поэтов двадцатого века, «где в широком чистом поле хорошо, как в чудном сне», «трава некошенной межи» и те же «в сердце – надежды нездешние» уж никак не открывают нам нового явления в русской поэзии и эпиграф из Фета к стихотворению «Сумерки, сумерки вешние» вовсе неслучаен – это своего рода примыкание, продолжение, достраивание ступеней, а если быть совсем уж строгим, каковым был даже такой «открыватель талантов», как

М. Горький, то речь может идти о виршах самовлюбленного и стремящегося к славе гимназиста (забегая вперед, замечу, что впоследствии М. Горький сказал о Блоке может быть самые великие слова как о поэте и человеке!).

Перелистаем страницы дальнейших публикаций. Тут уже появляются и ставшие впоследствии хрестоматийными:

*Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленю, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе. (1902)*

*Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин. (1903)*

*Ты из шопота слов родилась,
В вечеряющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет. (1903) [1, с. 31-33].*

Появилась ли бьющая в глаза оригинальность? Увы, еще нет, если не считать, конечно, говоря в шутку, необычное ударение в слове «вишневый» на первом слоге. Можно уже с большей уверенностью говорить о заметно возрастающем техническом мастерстве, об убедительно звучащей музыкальности (попутно, к слову: А. Блок – самый может быть музыкальный, – не только, разумеется, музыкальный, – поэт был начисто лишен музыкального слуха!, во что нам с вами поверить почти невозможно). Отдельные строки и строфы этих стихов уже не позволяют говорить о их «гимназичности», как и не дают оснований говорить о таланте, а, ведь, поэту уже 23 года, в которые Пушкиным были созданы непреходящие шедевры, не говоря уже о Лермонтове, хотя одновременно и не будем забывать, что свои лучшие стихи И. Козлов, У. Уитмен, Л. Мартынов, Ю. Кузнецов создавали в сорок, пятьдесят, шестьдесят лет... Ну, а А. Блоку оставалось «рукой подать» до подлинной «заявки на талант» – вот уже написаны «Фабрика» (1903), «Поднимались из тьмы погребов» (1904), «В кабаках, в переулках, в извивах» (1904) и такие явно гражданственного звучания, как «Шли на приступ. Прямо в грудь...» (1905), «Митинг» (1905), «Сытые» (1905). И буквально в следующем – 1906-м – году такие шедевры как «Незнакомка», «Ангел-хранитель», «Русь», «Холодный день», «Окна во двор», «Сын и мать», «Хожу, брожу понурый», «Пожар» [1; 2]. Именно эти стихи дают все основания говорить, что в мир действительно пришел поэт, к которому есть основания добавлять прилагательные – «настоящий», «большой», и, возможно, уже – «великий» (одна «Незнакомка» – это, ведь, целый роман о судьбе творческой личности в социальных преломлениях начала двадцатого века, о диалектическом поединке поэта-романтика с бесами и с рожденными ими соблазнами). Но эти стихи, особенно, конечно, «Незнакомка» хорошо известны и стали настоящей классикой, удостоверяющей талант, я же здесь хотел бы обратиться к другому, с моей точки зрения, недооцененному и явно недопонятому шедевру А. Блока, созданному в этот же – 1906 год. Это – «Сказка о Петухе и Старушке».

Данное стихотворение действительно написано в сказочной стилистике, его вполне можно трактовать и как детское, и как примитивистское. И, казалось бы, оно такое прозрачное, без сложных символов и метафор – все на виду, никаких неясностей. Но я так не думаю. Я конечно же далек от того, чтобы вместо А. Блока давать исчерпывающие объяснения, или заниматься слишком уж явными приписками. И тем не менее позволю себе утверждать, что эта сказка – одно из ключевых стихотворений в развернутом цикле (он не выделен автором нигде специально) прогностических и пророческих картин, которые в реальности действительно могут создавать только настоящие таланты и гении. С исторической вершины сегодняшнего дня можно, пусть и со всякими оговорками, утверждать, что в данной сказке речь идет ни более, ни менее как о судьбе России, беру на себя даже смелость утверждать о своего рода двойной судьбе – семнадцатого и девяносто первого годов двадцатого века. Но давайте обратимся к тексту. Вот начало:

*Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!
И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Все не может найти посошок...*

И что же в этом начале особенного? – почти обыденный рассказ, едва ли не документальный – не досмотрела старушка за печкой, уснула на печи, выпала жаринка из печки и обыкновенный пожар. Но последуем дальше:

*Вот – ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе – словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.
Эх, какая беда приключилась,
Впоныхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:
Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...*

Как будто все так же – продолжение в том же духе. Конечно, безупречная техника стихосложения – это уже почерк мастера! – но где подтекст, где скрытый смысл?! Сразу же отвечу парадоксально: никакого подтекста, никакого скрытого смысла. Все до предела четко и однозначно: зарево пожара, перепуганная насмерть старушка, которой немудрено привидился стоящий в углу сам страх – «из-под шапки таращит глаза». И тем не менее последуем дальше:

*Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы – незнакомый*

*Робко съежился маленький труп...
Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
А нашел тебя сам петушок!*

Я выше говорил о революции 1917 года, бросившей в пламя старушку-Россию, о распаде-самосожжении преемницы той России – Советской Империи... А теперь, спрошу я себя и вас: ничего ли не напоминает – прямым текстом! – нам лето 2010-го? И пусть у Блока:

*Зимний ветер гуляет и свищет,
Все играет с торчащей трубой...*

Зимний ветер в стихотворении ничего не меняет и летом, потому что

*Мертвый будто все еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.*

Я перечитал, как будто заново это стихотворение вот в это лето 2010-го и у меня мороз по коже – как будто увидел в беспредельно символическом и пророческом стихотворении А. Блока жуткую реальность сегодняшнего дня. И на нелегкие размышления наталкивают заключительные строки сказки:

*А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок. (1906) [1, с. 47-48].*

Давайте спросим у погорельщиков (у погибших, как и у старушки в сказке, уже не спросишь), о чем это стихотворение. Ответы будут однозначны, пусть в разной редакции и в разных словах, – о нас, о нашей жизни, о нашей стране, о нашей власти. Разве не так?

Так какие еще нам с вами нужны доказательства в пользу провидческого таланта поэта!? Мой вопрос-восклицание казалось бы, риторический, но я не только предвижу, но и вполне серьезно принимаю скептические контрвопросы-возражения: в самом ли деле по этому стихотворению-сказке можно судить о большом таланте поэта, что здесь такого, кроме приписанного вами предвидения, ведь вы-то судите через сто с лишним лет после написания, а что можно было сказать по его поводу в момент опубликования!? Ответить на эти и подобные им возражения могу лишь следующим образом: да, если брать только это стихотворение, да пожалуй и многие другие ранние стихи Блока, фрагменты которых цитировались выше, то трудно было бы «возвести поэта в гении». Скажу более того: на начальном этапе творчества Блока его стихи воспринимали не только более чем скептически (причем такие авторитеты, как выше названный М. Горький, З. Гиппиус, К. Бальмонт): «Он – не поэт»! И это последнее заключение – почти приговор! – принадлежит не какому-то виршеписцу-неудачнику, а самому Валерию Брюсову. И в связи с этим можно без всякого искусственного самоуничижения заметить, что, как бы там уж ни было, но хотя и Гиппиус, и Бальмонт, и Брюсов не были докторами, или хотя бы кандидатами психологических наук, но уж экспертами-диагностами в области поэтического творчества они безусловно были лучшими, чем автор этой статьи и возможные ее читатели. А это лишь добавочное и очень

убедительное подтверждение того положения, что раннее определение творческих способностей действительно было и продолжает оставаться сложной проблемой.

Но поскольку в предложенном нами аспекте речь идет не только о ранних проявлениях одаренности, продолжим анализ.

Сначала подведу своего рода итог обсуждению сказки: о значимости и своеобразной оригинальности этого стихотворения мы можем говорить, включая в обсуждение все те стихи, которые были написаны примерно в это же время, а также с учетом его прогностической надежности в длительном интервале времени. Но наверное не нужно напоминать о том, что значимость творчества поэта, масштабы его влияния на развитие общей и индивидуальной культуры оценивается именно во временных измерениях: не будет преувеличением сказать, что Пушкин и Лермонтов вечны, а многие их, порой совсем не бездарные, современники забыты напрочь и их даже гомеопатическое вплетение в формирующийся менталитет каждого из нас равно нулю. А потому неубедительно можно воспринимать своего рода «запрет» на трактование в данном случае сказки А. Блока, как, впрочем, и любого поэтического произведения, исходя из тех данных, которыми мы располагаем много лет спустя после их написания.

Да, именно с этого хронологического момента – 1906-1908 годов – начинается «настоящий Блок». Это почти общепризнано и нам уже не понадобится прибегать к обильному цитированию, чтобы подтверждать это; хотя несколько иллюстраций будут уместны, тем более, что они действительно, я уверен, показывают уровень раскрывающегося таланта поэта. Таланта многогранного не только в тематическом плане, но и в формальном выражении значимых мыслей и чувств, переживаний и, конечно же, неусыпно функционирующего обостренного и обогащенного к этому времени бытийным или бытовым опытом восприятия. Так, известное стихотворение «Сырое лето. Я лежу в постели...» и одновременно написанные «Вольные мысли» это не только философское проникновение в смыслы жизни и смерти, не только мучительные поиски самого себя и своего места и среди близких, и в мире, но и одновременно шедевры белого стиха, вершинные для русской поэзии всех времен. Как известно, дискуссии с разной степенью остроты о своего рода правомерности белого стиха, верлибра, а то и полного перехода к нему (особенно в модернистских и постмодернистских изысках начала и второй половины XX века), были обычным явлением и в среде самих поэтов, и в сферах критики и литературоведения (так, например, в свое время с его своего рода пропагандой выступили даже такие, казалось бы, закоренелые «рифмователи», как Е. Винокуров и В. Солоухин, да и не только они). С моей точки зрения дискуссии такого рода носят, так сказать, вполне платонический характер, так как поэзия, во-первых, выражается не только стихами, а, во-вторых, она сама выбирает свою «одежду» в стихах, было бы что выразить и была бы поэзия. И в этом смысле «Вольные мысли» Александра Блока лучшее тому доказательство неубедительности какой-либо формальной критики. В самом деле – вот размышления поэта о смерти:

*Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть – и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну что же?*

*Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.*

– это, ведь, размышления настоящего философа уровня Лао Цзы и Платона, Конфуция и Сократа. Это, вслед за пушкинским «Брожу ли я вдоль улиц шумных», поэтическое восполнение того философского дефицита в русской философии, который не смогли заполнить даже такие великие как Григорий Сковорода и его дальний родственник Владимир Соловьев (вплотную проник в проблему смерти, конечно же, Н. Ф. Федоров, но совсем по другому вектору). И здесь поистине философское восприятие смерти, о котором сказал так ошеломляюще точно Монтень: философствовать – это учиться умирать. А потому нелепая, на первый взгляд, улыбка лирического героя при виде смерти, это вовсе не улыбка дурака, танцующего на похоронах, это самое что ни на есть христианское проникновение в смерть как в закон неизбежности, а улыбка может быть свидетельством того, что смерть это не абсолюте, а лишь переход в новую жизнь и, если Блок не говорит о ней в своих стихах, то лишь потому, что ему еще многое нужно понять и исполнить в жизни этой, тем более, что

*Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.*

А потому и смерть придет намного раньше, чем могло бы быть при другом раскладе на весах любви и ненависти, а потому и нужно говорить себе: «смерть с улыбкой наблюдай» и нужно «мечтать и песни петь! И слушать в мире ветер!».

В стихах этого цикла Блок являет нам те формы своего восприятия, которые наиболее адекватно отражают не только его текущие настроения, но его мировосприятие на данный жизненный момент, мировосприятие, которое в «творческой лаборатории» поэта удивительно гармонично и естественно сочетает мысли о вечном и вспышки-чувства, синхронно сопровождающие эти «главные» мысли, и касающиеся таких, казалось бы, обыденных, прозаических картинок реального окружающего мира – моря, дюн, рыбацких катеров, поезда у платформы, случайной девушки среди этих дюн. И впрямь, пожалуй, сочетать все это в рамках рифмованных стихотворных жанров трудно, если вообще, возможно (хотя, что может быть невозможным для гения?!). – вольные мысли требуют вольного стихотворного простора.

Но вот уж действительно творческий парадокс! – все это, и даже более того – несоизмеримо глубже и выразительней – кредо и миссию поэзии и назначение поэтов Блок буквально в мраморе изваял в одном из его шедевров:

*За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.*

Здесь шествуют строгие, четкие строки, переходящие в цветные фрески повседневности и вечности: уже в этой первой строфе дана и картина нового петербургского квартала, в отличие от парижского Монмартра, возникшего на зыбких болотах, и профессиональная психология поэтов, каждый из которых, как наверное и положено творцам,

всех своих собратьев-современников и соседей по жизни встречает «надменной улыбкой» реального или только мнимого превосходства. Но это превосходство признается только в границах творчества, а за его границами, во всем остальном поэты – похожи, дружны, едины:

*Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.
Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.
Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.*

Вот она картина жизни творцов: изо дня в день усердная работа, скрашиваемая стаканом, а то и не одним, вина. Но эта вроде бы скучная монотония скрашивается – да еще как! – видением горящего моря и «золотом каждой прохожей косы». Вот оно – творческое преобразование обыденного поэтическим восприятием и в прямых образах и в словесных конструкциях, когда поэты

*Разнежась, мечтали о веке золотом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...*

Кто еще кроме поэтов, русских ли, японских, – заплачет над одиночеством маленького цветка, кратковременностью жизни жемчужной тучки?! Но ведь над самими поэтами не очень плачут, и не только дантесы с мартыновыми, но и «обычные» смертные, обитающие в прозе обывательской лужи, из которой их не вытащит никакой Мюнхгаузен. И поэт вынужден если не судить, то изображать, как оно есть на самом деле:

*Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?
Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..*

Недоступно, пока

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой...*

И тут Блок, как поэт масштаба Шекспира, вынужден просветить обывателя, в массе своей тупо посмеивающегося над поэтами – пьяницами и поклонниками женских кос, прибегнув к такой, казалось бы запредельной гиперболе, когда восклицает, что

*...у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!*

И своими заключительными словами Блок, принимая все возможные невзгоды и саму судьбу поэта:

*Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, -
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!*

на самом деле говорит не только о возможной реальной судьбе, погибающего под забором, а провещает, что каждому, кто соприкоснулся с настоящей поэзией, доступно божественное прозрение – доступна красота мира, высшие чувства, доступно самое преодоление смерти, как унылой прозы. Это стихотворение А. Блока – не реквием Моцарта, это аппассионата Бетховена, это гимн преодоления поэзией всего того мелкого, суетного, мнимощенного, чем так богат наш повседневный мир во все времена, и в дни жизни Блока, и в наши дни, когда нам поэзия нужна больше любых лекарств и придуманных панацей материального прозябания в ожидании жалкого конца...

Без малейшей претензии на оригинальность берусь утверждать, что именно этим – вовлечением в поэзию, привлечением к поэзии, возвышением до высот поэзии – в первую очередь значимо творчество Александра Блока. Стоит лишь нам, пусть даже бегло, полистать страницы его книг, прочитывая лишь отдельные строки, и мы легко убедимся, насколько непритязательна и формально проста его поэзия: никаких экзотических метафор Бальмонта, никаких экспрессионистских выходов футуристов, никакого гламура Северянина и псевдозначительности Брюсова, а тем более шокирующей зауми Крученых. Казалось бы ровная тональность, спокойное разворачивание композиции (даже в «Двенадцати» фактически, если обратить внимание, нет никаких фантастических гипербол); непритязательные рифмы – так часто, как почти ни у кого другого (а ведь над глагольными рифмами, кто только не посмеивался – тот же Маяковский считал их признаком чуть ли не бездарности, Маяковский, который из своего убойного публицистического ружья преобразившегося из богемного босняка в бойца поэтического спецназа и в упор расстреливавший всех без исключения авторитетов – Пушкина сбрасывал с корабля современности, Есенина корил за суицид, над иными чуть ли не издевался, но... Блока нигде не тронул своим суровым словом – о чем это может говорить?); да и вообще чуть ли не лирика для чтения на поэтических вечерах бомонда. Но это, пока мы именно листаем и поверхностно читаем, скользим бездумным взглядом. И вдруг этот наш уже почти равнодушный взгляд наталкивается на такие строки:

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!..*

*Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!..*

*О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!*

*Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!..*

*Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!..*

*Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла... [1, с. 50-103].*

И начинаешь читать и перечитывать, чувствуя, как не только внимание и восприятие, но более сокровенные глубины нашей души начинают наполняться этими строками, этими смыслами, облеченными в скромные одежды таланта. А кто, как не китайцы и японцы уже несколько тысяч лет пытаются поделиться с самовлюбленным Западом своим мудрым знанием о величии и непобедимости скромности и простоты.

Но это одна сторона таланта, так сказать, закодированного в своего рода дзен-буддистские тона поэзии подтекста, да и текста, если его читать не только глазами.

А для тех из нас, у кого на первых порах еще нет опыта постижения настоящей поэзии, А. Блок, хотя и теми же средствами, почти в стиле суми-е (черной тушью на белой бумаге) представляет более впечатляющие картины:

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим...*

*Под насытью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая...*

*О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!..*

*То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь... [1, с. 117-152].*

Не правда ли – не просто актуальные, а вечные истины. А истины, облаченные в поэтическую форму, как известно, попадают прямо в сердце и в ум, пусть даже последнего и не очень много бывает.

Может быть и не очень веселые мысли и истины, может быть Блок и не выступает в некоторых своих стихах в модном ныне облики психотерапевта-утешителя, но общая целительная сила его строк бесспорна. А в максимально возможной, какую только можно себе представить, форме своего рода кредо, воплотившего всю высшую сущность поэтического таланта Блока, его сакральной миссии посланного свыше поэта все это выражено всего двумя строками:

*И невозможное возможно,
Дорога дальняя легка...*

Можно ограничиться и одной: И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО!

Спрошу у себя и у вас: можно ли в нашей и всегда и сейчас в особенности тяжелой, трагически и катастрофически преломляющейся жизни, бросить более надежный спасательный круг надежды, чем эти слова?! Когда вокруг на фоне хронической капитуляции, постыдного уныния и беспредельной наглости воплотившихся в правящих бал бесов, застланным слезами глазам многих и многих не виден никакой даже лучик в темном царстве?

И вот эти слова – как самая краткая молитва. Да это, собственно, молитва и есть. И чтобы нам более убедительно понять, какой глубокий и воистину судьбоносный смысл вкладывает Блок в эти воспламеняющие дух слова, обратимся к первоначальному контексту, в который они были вписаны – к стихотворению «Россия» (1908):

*Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...*

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, -
Как слезы первые любви!*

Тут прямо почти печальное гоголевское начало, как эстафета, переданная из «Мертвых душ», или позднее – из стихотворений Некрасова. Нищета, бездорожье, почти беспросветность. И хотя лирический герой однозначно говорит о первой любви, но тут же и признается

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
Ну что ж? одной заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...*

Краса России отдается очередному чародею, вновь и вновь шумят реки слез, но – «не пропадешь, не сгинешь ты». Полная уверенность в непобедимости, которая подкрепляется приведенным уже афоризмом:

*И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,*

*Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..*

Именно так: разруха, упадок, свои или зарубежные чародеи заманивают и обманывают в очередной раз, глухо звучит острожная песня ямщика... Право же в очередной раз диву даешься – какая картина современной России, но и почти каждой части некогда могучей империи? И что же? Почти нет надежды на хоть какой-то скромный ренессанс, одни дурные пророчества и предчувствия, сплошь черный юмор, растоптанные идеалы и знамена, исчезнувшая армия. И тут для тех, кто еще не забыл родных букв, как молния на черном небе, слова: И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО!

И, чтобы окончательно в это поверить, нужно проследовать за поэтом, за его «Двенадцатью» – разбойниками? красноармейцами? апостолами? присяжными заседателями?

Эти вопросы для всех, кто обращал внимание на поразительную разноголосицу в оценке и трактовке поэмы Блока, вполне закономерны – и по сей день на расшифровку «окончательного» смысла поэмы не может претендовать никто. Ее же публикация была подобна взрыву, образовавшему на тот момент глубокую пропасть между поэтом и очень многими его даже искренними поклонниками и собратьями по перу, для иных он стал даже «нерукопожатным» (Мережковский, Гиппиус). В то же время со стороны Советской власти поэма была встречена более чем положительно, хотя и не всеми – так, скажем, В. Брюсов к тому времени уже ставший приверженцем «красных» однозначно назвал «Двенадцать» – «контрреволюционной поэмой». Но кроме своего эстетического, публицистического («нехудожественного»), а во многом новаторского (поэма полимодальна, разностилева) характера и содержания, «Двенадцать» содержали никем не осмысленную до логически приемлемого уровня концовку. Напомним ее – после всех действий целенаправленного (наведение революционного порядка) и хаотического (грабежи, разбой, убийства) характера двенадцать (героев? антигероев?)

*...Так идут державным шагом,
Позади голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.*

Наша задача заключается не в том, чтобы «закрыть» тему, связанную с финалом поэмы. Мы пытаемся лишь проиллюстрировать провидческий талант автора, как делали это и выше, тем более, что спустя сто лет это сделать намного проще, чем это можно было современникам Блока. И сегодня можно констатировать без особых, думается, натяжек:

1) двенадцать «идут державным шагом» – впереди воссоздание великой державы – Советского Союза,

2) «позади – голодный пес» – голод после революции, голод начала тридцатых годов,

3) «вперед» – с кровавым флагом» – воистину вперед кровь гражданской войны, кровь репрессий, кровь Великой Отечественной и красный флаг в полной мере отражал кровавый след в истории страны...

И теперь – главное: кто же возглавляет восставший народ (а двенадцать это, конечно же, восставшие против буржуев, лоснящихся от жира попов, всей неправды несправедливого мира), кто идет «вперед – с кровавым флагом?» Кто может быть «за вьюгой невидим», «от пули невредим?» Кто может так нереально идти «нежной поступью надвьюжной, снежной россыпью жемчужной?»

Ответ поэта неотразимо однозначен:

*В белом венчике из роз –
Вперед – Исус Христос.*

Что это, как не глубокое предвидение и одновременно оправдание по высшему счету?! Оправдание правоты революции – не надо забывать, что Блок слышал ее музыку (не колыбельную, конечно, а грозную и своего рода трагическую) задолго до свершения, однозначно понимал, что накопившиеся грехи, разгул богатеев, деградация элиты и служителей культа – все это вкупе с наглой неправдой и хронической ухмылкой зла должно быть сметено, выброшено, сожжено, уничтожено. У нас здесь нет для этого места, но стоит обратиться к его дневникам, записным книжкам, письмам, к свидетельствам современников, чтобы легко убедиться в том, какую именно позицию занял поэт в судьбоносные дни, по какую сторону баррикад он встал. И его однозначное решение не покидать Родину, когда творческая интеллигенция толпами устремлялась в эмиграцию, было решением недеklarативного патриота, а настоящего рыцаря, каким он был и в повседневной жизни, и на поле творческой брани, решением, если хотите, самурая, камикадзе, потому что нагрянувшая беда была подобна девятому валу и для того, чтобы предвидеть шансы на спасение не нужно было обладать даже таким талантом, каким обладал Блок. О своего рода поединке Александра Блока с реальной революцией замечательно написал в свое время еще Корней Чуковский:

«... я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами (слова А. Блока, – В.М.).

... Блок... написал «Двенадцать». Казалось, что это только начало долгой, героической борьбы. Но прошел еще месяц (описывается начало 1918 года, поэма была написана в январе – В.М.) – и Блок замолчал. Не то, чтобы он разлюбил революцию или разуверился в ней. Нет, но в революции он любил только экстаз, а ему показалось, что экстатический период русской революции кончился. Правда, ее вихри и пожары продолжались (см. «Сказку о Петухе и старушке» – В.М.), но в то время, как многие кругом жаждали, чтобы они прекратились, Блок, напротив, требовал, чтобы они были бурнее и огненнее. Он до конца не изменил революции. Он только невлюбил в революции то, что не считал революцией: все обывательское, скопидомное, оглядчивое, рабье, уступчивое. Он остался до конца максималистом, но максимализм его был НЕ ОТ МИРА СЕГО и требовал от людей невозможного: чтобы они только и жили трагическим, чтобы они только и ждали гибели, чтобы были ЛЮДЬМИ... Он не хотел позволить человечеству, чтобы, пережив катастрофу, оно снова превратилось в «грудку шлака». Ему казалось, что после великой грозы все должно быть иное, что люди, очистив

свою жизнь грозой, не смеют быть блудливыми и пошлыми. Он разочаровался не в революции, но в людях: их не переделать никакой революцией...» [3, с. 404].

Конечно, Корнею Ивановичу в 1924 году, когда он дописывал первый вариант своей книги о Блоке, было «не с руки» продолжить рассуждения о поэме «Двенадцать», собственно – о ее концовке, о своего рода явлении Христа народу. У нас такая возможность теперь есть. И сегодня мы можем утверждать: А. Блок в 1918 году понял то, что с опозданием на 25 лет понял И. В. Сталин: чтобы спасти страну и спастись, можно уповать только на чудо – чудо явления Христа, чудо, если он возглавит нас, наше шествие к правде и добру, к справедливости, даруя нам Веру, Надежду и Любовь, которые не смогут даровать никакие вожди, никакие партии и псевдоэлиты, чему мы и являемся живыми и вновь обманутыми свидетелями.

Слова Блока в конце поэмы – это завещание гения. И горе нам, если мы не поймем этого дара сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Избранное / А. Блок. – М. – Госиздат худ. лит., 1954. – 205 с.
2. Блок А. А. И невозможное возможно: Стихотворения, проза, воспоминания / А. А. Блок. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.
3. Чуковский К. Сочинения в двух томах. Том 2. – М. – Изд-во: Правда, 1990. – 622 с.

P.S.

Не могу удержаться, чтобы не завершить эту статью «ненаучным» образом, как бы подводя промежуточный итог всему вышесказанному:

*Над Петербургом сумраки сгущались,
Россия в пропасть тройкою неслась,
поэты с прошлым навсегда прощались,
топя в вине отчаянье и страсть, –*

*себя устроить в жизни не умея,
но понимая: выпал час и срок,
и новая случилась эпопея...*

И это понял, может, только Блок.

*Мела по Петербургу злая вьюга,
летела вся империя вразнос,
застыли все от горя и испуга...
Но вот виденье – сам Иисус Христос!*

*Се значило: пребудет с нами Бог!
Тогда лишь Блок понять все это смог.*

ЧИТАЙТЕ БЛОКА, У НЕГО, –
*поэта века двадцать первого, –
на многое уже тогда
ответы были. Ведь поэт*

уходит далеко вперед

*и знает раньше наши беды,
и катастрофы наши тоже
переживает раньше нас.*

*Поэты настоящие до срока
предвидят и сигналият нам –
умам нашим, нашим сердцам,
а потому – вместо газет –
читайте Блока!*

Моляко В. А.

**ТВОРЧЕСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК ИНДИКАТОР ТАЛАНТА
И ГЕНИАЛЬНОСТИ (к 130-летию со дня рождения А. А. Блока)**

В статье анализируются вопросы творческого поэтического восприятия.

Ключевые слова: творческое восприятие, талант.

Molyako V. A.

**CREATIVE POETIC PERCEPTION AS INDICATOR OF THE TALENT AND GENIUS
(to the 130 anniversary from the date of A. A. Blok's birth)**

The article presents the review of the features of display of creative poetic perception.

Keywords: creative perception, talent.